

Александрийская алхимия так и поступила. *Верх и низ* поменялись местами. Потом еще раз поменялись. Смесь. Вселенская смесь. Строится алхимический космос. Беспорядок обретает статус порядка. За алхимическим космосом — нравственный космос. И тогда уже неважно, что мы примешиваем к земле или воде — воздух или огонь, туман или росу (бывший туман), Луну-серебро или золото-Солнце. Важно, что *верх* смешивается с *низом* и наоборот, ибо «*все есть одно*». *Единое*. Обошлось и без *Платона*, и без *Аристотеля*, хотя и тот и другой где-то рядом, ждут своего часа. *Имя* и *вещь* сначала отделились, а потом и сошлись. Но *вещь* нашла уже не только прежнее, но и какое-то другое *имя*, а *имя* благополучно срослось и с этой *вещью*, и с той. *Имя вещи* просится в руки, а *вещь*, напротив, тяжелит алхимический ум. Оперирование с веществом. Размышление по поводу вещества. *Миксис* и *химвис* беззастенчиво пришли в *соитие*. Теперь они уже рука об руку — сначала празднично, а потом серьезно, но в месте всю тысячу лет. А химическое ремесло по-прежнему делает новые и полезные вещи без науки. Оно — пронзительно зрячий слепец, демиург без идеи, хранитель цеховой, пращуровой традиции, всеперебирающего однознательства.

Алхимическая идеализация должна была изоэрироваться, исчерпав все возможности смешивать несмешиваемое, обнаружив нелепость изначального бессмыслия. В этом-то и состоит исторический смысл «бессмысленного» умозрения алхимиков, обеспечивших жизнь *аристотелевским* элементам как псевдохимическим элементам, *демокритовскому* атому (при полном его отрицании) как атому *Дальтона*, *миксису Аристотеля* как *Бертолле-Прустовскому* химическому соединению в научной химии. И, что самое главное, алхимии удалось исполнить смысла квазинаучной идеализации бессмыслицу собственной вещно-понятийной онтологической модели, ставшей моделью гносеологической.

Сейчас последует перечень тех алхимических представлений, когда *принцип* обретает вещественность, а *вещь* — понятийность, «*принципиальность*».

СНАЧАЛА свидетельства *Александрии*.

Марк Антоний, апокрифический раннехристианский алхимик, «пероткрытый» в пору высокого средневековья, утверждает, что *сера, ртуть и соль* дают ему возможность видеть три субстанции в одной материи: свет, самопроизвольно исходящий из тьмы (Berthelot, 1885 [1938], с. 42). Алхимические начала спиритуалистичны и нерасчлененно пребывают в *Едином*. Оперирование исключено. *Субстанция* лишь названа. Она декларирует тринитарную мысль мимикрирующих под христианство адептов: *три в одном*. Лишь имена свидетельствуют о будущих вещественных видах стихий *Аристотеля*: *сера, ртуть и соль*. Мистическое прозрение самостоятельных веществ. Вещество-сера и вещество-ртуть еще долго будут синонимами чистых свойств-качеств. Если металла желтый или красный, то про него говорят, что в нем слишком много серы, возникшей как ртуть и соль из первичной материи.